

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ В XVI–XVII вв.

Рассматриваются основные направления торгово-экономического и политического взаимодействия аборигенных политических образований Западной Сибири с соседями по евразийскому континенту в XVI–XVII вв. Анализируются система сложившихся взаимоотношений, основные субъекты взаимодействия, выгоды и сферы влияния рассматриваемых субъектов. Делается вывод о том, что Сибирские ханство и его периферия до определенной поры играли важное торговое значение и потому были сферой интересов разных сторон, а ко второй половине XVI в. стали «лишним звеном» в силу формирования новых путей и сьем торговых связей на континенте.

Ключевые слова: Сибирь; торговля; политика.

Внутренняя и внешняя торговля дорусской Западной Сибири – слабоизученный вопрос отечественной историографии. Для характеристики внешнеторговых связей Западной Сибири с сопредельными территориями условно структурируем эти сношения по трем основным направлениям – южному, северному и западному.

Южное направление торговли долгое время было стратегическим для Западной Сибири. Само расположение Западной Сибири, рельеф местности и направление течения основных рек (прежде всего Иртыша) способствовали ее связям не с западными, а с южными соседями. Впрочем, простоту этого пути нельзя переоценивать. По данным уже русских таможенных книг известно, что большая часть (около двух третей) среднеазиатских торговых караванов появлялась в Прииртышье в сентябре–октябре, что было связано «со стремлением бухарских купцов миновать среднеазиатские пустыни и казахские степи до наступления в них летнего зноя и зимней стужи» [1. С. 179]. То есть у торговцев в силу климатических условий в течение года оставался небольшой временной промежуток для ведения внешнеэкономической деятельности.

Для среднеазиатских государств традиционное торгово-экономическое значение Западной Сибири в целом (от Алтая до нижнего течения Оби) определялось двумя направлениями взаимодействия. Прежде всего, территория вплоть до впадения Тобола в Иртыш (где неподалеку располагался город Искер – столица Сибирского ханства) имела транзитное значение во взаимодействиях Средней Азии с государствами Приволжья (Волжская Булгария, а затем – Золотая Орда и откальывающиеся от нее государства, в частности Казанское и Астраханское ханства). Путь из Средней Азии в Поволжье через Сибирь, известный как «камский путь» или позже – «сибирско-камский путь», известен, по меньшей мере, со второй половины I тыс. до н.э. – к этому времени относят целый ряд соответствующих археологических находок, в частности серебряные сосуды эпохи Сассанидов, попадающиеся на берегах рек, принадлежавших к бассейну Камы [2. С. 93].

Принято считать, что товарный обмен между народами Западной Сибири и Средней Азией начал активно развиваться с начала II тыс. н.э., и это связано с освоением основными субъектами торговой деятельности Евразии сибирского рынка пушнины [3. С. 19]. В середине XIII в. развитие такой торговли на

время прерывают монгольские завоевания, однако внешнеэкономические взаимодействия быстро восстанавливаются. И уже русские источники к концу XIV фиксируют, что ко времени включения Западной Сибири в состав Русского централизованного государства, «бухарские караваны при своих странствиях доходили даже до низовий Оби, выменивая везде, где только было можно, мягкую рухлядь на предметы восточного ремесла» [1. С. 173].

То, что активная торговля между Западной Сибирью продолжалась и после присоединения этой территории к Русскому государству (за исключением непродолжительного периода, когда торговые связи прервались в силу военных действий и социально-политической нестабильности в Западной Сибири в связи с русским завоеванием), позволяет нам с определенной точностью проанализировать и структуру товарообмена по данному направлению. Наиболее полный анализ торговых взаимоотношений приводит в своих работах О.Н. Вилков. В частности, он подсчитал, что в начале XVII в. (и эти данные, на наш взгляд, в целом применимы и к XVI в.) в Тобольск ввозилось порядка 90 наименований восточных товаров, из них на долю среднеазиатских приходилось 47 видов (в основном ткани, одежда, бумага, специи, металлические изделия), а остальное – «калмыцкие» (одежда, скот и т.п. – всего 28 наименований), китайские (12 наименований – в основном одежда и чай) и арабские [Там же. С. 184–185]. В структуре экспорта, в свою очередь, ожидаемо преобладала пушнина – в XVI–XVII вв. На ее долю приходилось 40,6% совокупной номенклатуры и 58,1% товарной стоимости, на втором месте по объемам экспорта стояла бобровая и кабарожья струя – ароматическое и лечебное сырье [Там же. С. 196–197].

Стратегическое значение южного торгового направления подчеркивает и поведение русской администрации после присоединения Западной Сибири. После разгрома Сибирского ханства едва ли не главной задачей местной администрации (помимо подавления мятежей и налаживания связей с местным населением) становится восстановление торговых связей между присоединенными территориями и Средней Азией. Яркий пример: гибель Ермака, который попал в ловушку, следуя за ложным известием о том, что в пути находится бухарский купеческий караван, который собирается вести с русскими торговлю в Сибири, хан Кучум же будто бы его задерживает и не дает возможности купцам проехать. Ермак в ответ берет

вместе с собой в поход 150 казаков [4. С. 256] – судя по русским летописям, большую часть имеющегося в его распоряжении войска. Кроме восстановления единства единых континентальных путей была и другая причина особого внимания к бухарским купцам. Дело в том, что долгое время, особенно в 1605–1615 гг., Сибирь почти ничего не получала из-за Урала [1. С. 177] (в Московском государстве бушевало «Смутное время»), поэтому расширение связей со Средней Азией диктовала обыкновенная потребность хотя бы в товарах первой необходимости.

В дальнейшем, по мере укрепления связей Сибири с метрополией, происходит постепенное снижение роли бухарских купцов в структуре сибирской торговли. Так, если в середине XVII в. доля бухарцев составляла 78,3% товарооборота Западной Сибири, то к концу века – лишь 23,8% [5. С. 86]. Параллельно с этим происходило постепенное повышение таможенных пошлин для бухарцев. А окончательно всех льгот бухарские купцы лишились только в 1834 г. Но следует отметить, что более трех столетий именно этот вектор торговли во многом определял путь развития Западной Сибири.

Следующее важное направление торговых сношений для определенной части Западной Сибири условно названо «северным». Под этим направлением мы будем понимать торговые операции с Новгородским государством (а после присоединения Новгорода в 1492 г. к Москве – с Русским государством), а также возможные контакты местного населения с европейскими странами. Жители крайнего Севера Западной Сибири (полуостров Ямал) еще в древности для своего морского промысла покупали металлические гарпуны [6. С. 30] у насельников современного российского Северо-Запада. А позже самоеды, жители области, известной под названием Мангазея, развивают торговые связи с русскими, у которых они выменивают на соболей сукно, котлы, сало, масло, панцири и толокно [Там же. С. 34].

Однако в первой половине XVI в. в Западной Европе происходят события, которые резко меняют торговые взаимодействия в этой части континента. В это время историки фиксируют резко изменившуюся мировую конъюнктуру в ценах на моржовые клыки, и особенно «мягкую рухлядь», что вынуждало западноевропейских купцов и мореплавателей искать новые рынки закупок [7. С. 68]. Традиционно сибирская пушнина доставлялась в Западную Европу и раньше – через Новгород, тесно связанный с европейскими государствами торговыми отношениями [8. С. 71]. Но в середине XVI в. мы встречаем первые сведения о том, что европейцы прокладывают прямые торговые пути в Северном Ледовитом океане и достигают сибирского побережья вплоть до устья Енисея [2. С. 90]. Известно, что англичане открывают морской путь в Россию в 1553 г. [9. С. 140] (в 1558 г. создается торговый порт в Ругодиве, а после неудачи Русского государства на Балтийском море в 1585 г. основывается «Архангельский город»), а плавание по Ледовитому впервые документально зафиксировано в дневнике английского путешественника Стефана Бёрро в 1556 г.

[2. С. 90]. Первое голландское плавание вплоть до устья Оби фиксируется в 1595 г. [9. С. 140]. Как справедливо указывает А.П. Окладников, «развернувшаяся во второй половине XVI века английские и голландские экспедиции в водах Северного Ледовитого океана, усиленные поиски иностранными купцами “северного пути в Индию” настораживали правительство Ивана IV, боявшегося превращения северной части Азии в английскую или голландскую торговую факторию» [10. С. 25]. На наш взгляд, именно это и побудило русское правительство начать активные политические и военные действия в Западной Сибири, стремясь превентивно распространить свою власть на перспективные с точки зрения регионы добычи пушнины.

Наконец, в западном направлении ключевую роль играли взаимоотношения с Московским княжеством, а также государствами – осколками Золотой Орды, прежде всего Казанским и Астраханским ханствами.

Торговые отношения Западной Сибири с русскими княжествами, как показывают археологические находки, существовали по крайней мере уже с X в. Хотя еще в курганах древнего Киева, датируемых IX в., археологи обнаружили вещи, изготовленные в верховьях Камы, близ современной Чердыни [11. С. 5] (граница современных Пермского края и Тюменской области). Известно также, что в то время «у русских вогулы выменивали сукна, топоры, ножи, котлы, шеломы, воинские доспехи, украшения. У башкир и татар они в обмен на пушнину приобретали лошадей, крупный рогатый скот, овец» [6. С. 58].

Торговые отношения радикально изменились в начале XVI в., и эти изменения вновь следует связать с европейской революцией в ценах на пушнину. Пушной обмен в том или ином виде здесь существовал и ранее. Так, уже в XIV в. московский князь Иван Калита, который добился того, чтобы новгородские бояре уступили ему право взимания дани пушшиной с некоторой части населения, обитавшего по Вычегде и Печоре. А уже его преемник, князь Дмитрий Донской «и вовсе отобрал у Новгорода его владения по Мезени и Печоре» [11. С. 5].

Продолжая эту политику, в середине XVI в. царь Иван Васильевич принимает под свое покровительство некоторых представителей остяцких и вогульских объединений, требуя в обмен в среднем по одному соболу с человека. Уже применительно к 1557–1558 гг. Г.Ф. Миллер замечал, что такое «покровительство» в отношении сибирских аборигенов диктовалось, в том числе, и тем, что «в Пермской и других землях соболь уже в древние времена попадался очень редко» [4. С. 208].

Ведущую роль в этом обмене в XVI в. начали играть русские промышленники Строгановы. Они «вступали в сношения с вогульскими и остяцкими князьками и вели с ними торг, выменивая различные дешевые безделушки – вроде бисера – и металлические изделия на дорогую пушнину» [8. С. 72]. Заметим, что, по всей видимости, у Строгановых к этому времени уже существовали деловые связи с местными жителями – будучи выходцами из Поморья, они вполне могли участвовать в торговых операциях Новгородского государства с Югрой.

Постепенно ареал деятельности Строгановых расширялся. Так, Г.Ф. Миллер фиксирует, что к Анике Строганову «приезжали ежегодно люди с дорогой мягкой рухлядью и разными товарами <...> приезжавшие называли себя самоедами и другими незнакомыми именами» [4. С. 207]. А пришедшие в остяцкий городок Сумгут-ваш, располагавшейся на реке Северная Сосьва в 40 километрах от ее впадения в Обь (на месте которого позже был основан русский город Березов), русские колонисты, обнаружили там своих соотечественников, которые пришли туда «прямой сухопутной дорогой через Югорские горы» [Там же. С. 210]. Эти факты позволяют сделать вывод о том, что торговые взаимоотношения между Западной Сибирью и Русским государством вначале сложились на уровне коммерческого взаимодействия русских промышленников и местных жителей еще до политического присоединения данной территории.

Интересен и другой аспект внешнеэкономических сношений Западной Сибири, связанный с ее транзитным значением как одного из коридоров между Средней Азией и Европейским континентом. С одной стороны, после захвата Московским царством Казани, Астрахани и признания в конце 1550-х гг. ногайскими мурзами холопства перед Иваном IV расширило свои владения непосредственно до Каспийского моря и границ Дешт-и-Кипчак [12. С. 56] и Бухары. С другой стороны, для бухарских государств к концу XVI в. взаимоотношения со своими северными партнерами, выход на рынки Европы стали основной целью, по-

скольку сложившиеся к этому времени враждебные отношения с Ираном делали невозможным широкий товарооборот Мавераннахра в западном и южном торговых направлениях [12. С. 43]. Кто мог обеспечить этот товарооборот? Очевидно, что к концу XVI в. такой силой могло быть только Русское государство, но его враждебные взаимоотношения с сибирским ханом Кучумом существенно ограничивали транзитные возможности независимого Сибирского ханства.

Представляется, что именно поэтому, когда в 1596 г. Кучум попросил у бухарского хана рати, он получил вежливый отказ. Это объясняется экономическим расчетом – бухарцам, в результате присоединения Сибири к России, открывался доступ к рынкам Европейского Зауралья [13. С. 207]. Таким образом, в рассматриваемый период Западная Сибирь оказалась в поле экономических и, как следствие, политических интересов ведущих государств Европы и Азии, что и предопределило судьбу независимого Сибирского ханства. Независимое Сибирское ханство Кучума во второй половине XVI в. оказалось лишним в существующих между Европой, Московским государством и Средней Азией торгово-экономических отношениях (касающихся не только и не столько правительств, сколько представителей крупной международной торговли – бухарских купцов, Строгановых, европейских промышленников), что и предопределило отсутствие международной поддержки Кучума в период присоединения Западной Сибири к Московскому царству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири в конце XVI – начале XVII в. Новосибирск, 1992.
2. Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI–XVII вв // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1.
3. Павлов П.И. Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40–70-е годы XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX в. / отв. ред. В.И. Шунков. Новосибирск, 1969.
4. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1941. Т. 1.
5. Вилков О.Н. Сибирские бухарцы и их торговля в XVII в. // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 70–90.
6. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.
7. Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., 1960.
8. Карцов В.Г. Народы Сибири. Очерки прошлого. М., 1935.
9. Бахрушин С.В. Русское продвижение за Урал // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 2, ч. 1.
10. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. / ред. А.П. Окладников, В.И. Шунков. Т. 2 : Сибирь в составе феодальной России. Л. : Наука, 1968.
11. Фадеев А.В. Россия и народы Северной Азии. М., 1965.
12. История народов Узбекистана. Т. 2 : От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. С.В. Бахрушина. Ташкент, 1947.
13. Бахрушин С.В. Сибирь и Средняя Азия // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Т. 4.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 июля 2016 г.

WESTERN SIBERIA IN INTERNATIONAL RELATIONS IN THE 16TH–17TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 168–171.

DOI: 10.17223/15617793/410/27

Sergey A. Chernyshov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 1502911@mail.ru

Keywords: Siberia; trade; politics.

The main directions of the trade-economic and political interaction between indigenous political structures of Western Siberia with its neighbors in the Eurasian continent in the 16th–17th centuries are discussed. The existing system of relations, the main subjects of cooperation, benefits and spheres of influence of the subjects under consideration are analyzed. The focus is on three areas: southern, western and northern. The south direction of trade was long strategic for the Western Siberia. The very location of Western Siberia, the terrain and the direction of flow of the main rivers (mainly the Irtysh) contributed to relations with its southern, rather than western, neighbors. For the Central Asia states traditional Western Siberia trade and economic significance as a whole (from the Altai to the lower reaches of the Ob) was determined by two areas of cooperation: as a transit corridor in the interactions of Central Asia and the Volga states (Volga Bulgaria, later the Golden Horde and states separated from it, in particular, the Kazan and Astra-

khan Khanates) and as an importer of a number of commodities, especially furs. In the first half of the 16th century, in the northern direction Western Europe witnessed events that drastically altered trade cooperation in this part of the continent. At this time, historians record dramatic changes in the world situation with prices of walrus tusks, especially the “soft stuff”, which forced Western merchants and explorers to find new procurement markets. It is well known that the British opened the sea route to Russia in 1553, the first Dutch voyage up to the mouth of the Ob is recorded in 1595. In the author’s opinion, this is what prompted the Russian government to start active political and military actions in Western Siberia, seeking to proactively extend its authority to the regions perspective from the viewpoint of fur production. Finally, in the west relations with the Moscow principality, as well as states left of the Golden Horde, above all the Kazan and Astrakhan Khanates, played a key role. It is concluded that in the period under review Western Siberia was in the scope of economic and, as a consequence, political interests of the leading countries of Europe and Asia, which determined the fate of the independent Siberian Khanate. The independent Siberian Kuchum Khanate in the second half of the 16th century turned out irrelevant in the trade and economic relations between Europe, the Moscow state and Central Asia (concerning not only and not so much governments, but representatives of the major international trade – Bukhara merchants, the Stroganovs, European industrialists), which determined the absence of the international support of Kuchum during the accession of Western Siberia to the Moscow state.

REFERENCES

1. Vilkov, O.N. (1992) *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri v kontse XVI – nachale XVII v.* [Essays on the socio-economic development of Siberia in the end of the 16th – early 17th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
2. Bakhrushin, S.V. (1955) *Puti v Sibir' v XVI–XVII vv* [Ways to Siberia in the 16th–17th centuries]. In: Zimin, A.A. (ed.) *Nauchnye trudy* [Research works]. Vol. 3. Pt. 1. Moscow: USSR AS.
3. Pavlov, P.I. (1969) *Ob uchastii i roli razlichnykh kategoriy naseleniya v sibirskom pushnom promysle v 40–70-e gody XVII v.* [On the participation and role of various categories of the population in the Siberian fur trade in the 1640s–1670s]. In: Shunkov, V.I. (ed.) *Ekonomika, upravlenie i kul'tura Sibiri XVI–XIX v.* [Economy, management and culture of Siberia in the 16th–19th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
4. Miller, G.F. (1941) *Istoriya Sibiri* [The history of Siberia]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
5. Vilkov, O.N. (1990) *Sibirskie bukhartsy i ikh trgovlya v XVII v.* [Siberian Bukhara people and their trade in the 17th century]. In: *Obmennye operatsii gorodov Sibiri perioda feodalizma* [Exchange operations of Siberian cities in the feudal period]. Novosibirsk.
6. Boyarshinova, Z.Ya. (1960) *Naselenie Zapadnoy Sibiri do nachala russkoy kolonizatsii* [The population of Western Siberia before the beginning of Russian colonization]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Mirzoev, V.G. (1960) *Prisoedinenie i osvoenie Sibiri v istoricheskoy literature XVII v.* [Annexation and development of Siberia and in the historical literature of the 17th century]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury.
8. Kartsov, V.G. (1935) *Narody Sibiri. Ocherki proshlogo* [The peoples of Siberia. Sketches of the past]. Moscow: Molodaya gvardiya.
9. Bakhrushin, S.V. (1955) *Russkoe prodvizhenie za Ural* [Russian expansion beyond the Urals]. In: Zimin, A.A. (ed.) *Nauchnye trudy* [Research works]. Vol. 2. Pt. 1. Moscow: USSR AS.
10. Okladnikov, A.P. & Shunkov, V.I. (eds) (1968) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney: v 5 t.* [History of Siberia since ancient times to the present day: in 5 vols]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.
11. Fadeev, A.V. (1965) *Rossiya i narody Severnoy Azii* [Russia and the peoples of Northern Asia]. Moscow: Mysl'.
12. Bakhrushin, S.V. (ed.) (1947) *Istoriya narodov Uzbekistana* [The history of the peoples of Uzbekistan]. Vol. 2. Tashkent: Uzbek SSR AS.
13. Bakhrushin, S.V. (1959) *Sibir' i Srednyaya Aziya* [Siberia and Central Asia]. In: Zimin, A.A. (ed.) *Nauchnye trudy* [Research works]. Vol. 4. Moscow: USSR AS.

Received: 03 July 2016